

Почти в каждой книге Дмитрий Оськин вспоминал добрым словом встречу с поэтом Турции Назымом Хикметом в Москве. Тот посоветовал ему писать стихи и обязательно вести дневник. Это, мол, поможет обрести литературное мастерство. А чтобы было о чем писать, надо Дмитрию ехать на большую стройку в Казахстан. Именно там залежи тем и будущих страниц о необыкновенной жизни молодых в СССР. «Если последуешь моим советам, - сказал Хикмет Оськину, - то слава тебя сама найдет, все газеты и журналы будут тебя искать и охотно печатать».

**Валерий
МОГИЛЬНИЦКИЙ**

Результат этой встречи был прямо-таки ошеломителен для простого деревенского паренька, каменщика 7-го разряда, приехавшего в 1958 году на Казахстанскую Магнитку из Москвы и прописавшегося здесь навечно. И стихи, и дневник толкнули Оськина в конце концов к написанию ряда добротных книг о Казахстане Магнитке,

Золотое перо Оськина

Конечно, книга «Вижу солнце!» удалась, иначе ее не издали бы в «Молодой гвардии». Но Дмитрий был недоволен, считал, что ему не хватает писательского мастерства. И он поступает на заочное отделение Московского литературного института имени А.М. Горького.

Институт институтом, но надо было зарабатывать на жизнь. А это не всегда удавалось. То

чтобы скрыть хищения, решили закопать в яму якобы сгнившие мясо, пельмени, арбузы, виноград. Но сделали это для отвода глаз - основную массу продукции уже продали на рынке, а деньги поделили. Оськин опять сочиняет хлесткий фельетон в газету.

Строители читают - возмущаются. А тут, как назло, в палаточный городок перед обедом

приехали товарищи из обкома партии. Один из них спросил Оськина:

- Зачем ты сочинил это письмо? Неужели думаешь, что Никита Сергеевич нуждается в твоих советах?

Второй сказал:

- Ты - диссидент!

Так с легкой руки партийных чиновников области Оськина стали называть диссидентом. Он посмотрел в словарь: что же означает это слово? Оказывается, инакомыслящий, отступник. Ну, что инакомыслящий - это ясно, понятно, все поэты, писатели мыслят несколько по-другому, чем обычные люди, оригинально, иначе какие же они служители пера? А вот что касается отступника, от чего же он отступил? От Конституции, марксизма-ленинизма? Да нет - опять же, отступил от стереотипа, от нормы, от казарменного мышления...

Сегодня усилия Оськина вылечить советскую систему критикой видятся обреченными на неудачу, как сизифов труд. Ничего, кроме озлобления, его публикации не вызывали. Они не обсуждались на заседаниях парткомов, «герои» его фельетонов не получали никаких наказа-

года, чтобы его восстановили в партии. Он послал апелляцию в ЦК КПСС на имя Брежнева на 18 страницах, его друзья из бригады тоже написали в ЦК о том, как несправедливо поступили с ним. Все эти два года боссы треста издевались над ним, как хотели, низвели до должности разнорабочего, выжили из Доменстроа. Его в какой-то мере раньше защищал партийный билет. Он даже давал ему силы для борьбы с казнокрадами, очковтирателями, разными негодями, которые занимали большие посты. Ибо Оськин верил, что партия создана для народа, что она должна защищать интересы простых людей. Но вышло, что это было только теоретически, а в жизни - наоборот.

Лишившись партбилета, он потерял не только бригадирство, но и право критиковать, писать в газеты. Осознавая это было мучительно. На глазах друзей он сломал свою авторучку и бросил ее в корзину для мусора, правда, при этом крикнул: «До лучших времен!»

Он не ожидал, что эти лучшие времена все-таки наступят, и быстрее, чем он думал. В январе 1966 года его вызвали в ЦК КПСС, в Комитет партийного

контроля, восстановили в рядах партии. На память об этом событии Дмитрий купил себе в ЦУМе новую авторучку с золотым пером.

Когда приехал в Темиртау, в парткоме ему вручили партбилет и сказали:

- Извини, мы погорячились. Всего-то? За все страдания, муки, что выпали на его долю?

Я встретился с Дмитрием Ва-

которые больше тиражами печатали в СССР, прежде всего в Казахстане.

Оськин стал знаменитым после того, как его документальную повесть «Вижу солнце!» опубликовали в 1964 году в издательстве «Молодая гвардия». Это было высокочтимое издательство в те далекие времена, не каждый писатель был вхож в него. И вдруг «какой-то Оскин из Темиртау» выпускает под его эгидой книгу тиражом 30 тысяч экземпляров! Московский писатель Илья Зверев в предисловии к ней пишет: «Автор, герой «Дневника», будучи и каменщиком, и бригадиром, и журналистом, и опять каменщиком, все время в борьбе. Весь его опыт, небольшой, но не легкий (а в таких случаях второе «не» обязательно перетягивает!), свидетельствует: быть борцом - задача для сильных, щедрых и храбрых. Но только таким и стоит быть».

О молодых строителях Магнитки сейчас кое-кто пишет, что, мол, они все за длинным рублем в Темиртау приехали. А ведь это неправда! В своей книге «Вижу солнце!» Оськин дает эпизоды, из коих следует, что молодые большей частью приезжали на стройку по идейным мотивам, они - полноценные наследники идей Павла Корчагина, молодого вардеевца. Им легче было прижиться на новом месте и лучше работалось. Они без нытья и тоски преодолевали трудности и невзгоды, голод и холод, трудились с необыкновенной отвагой и мужеством.

Кирпичи вовремя не доставят, то раствора нет... Сиди, кури! Другой бы от тоски удавился, но только не Дмитрий Оськин. Это «пустое» время он как раз научился проводить с пользой, еще работая над книгой «Вижу солнце!». Забьется где-нибудь под кустом сирени и пишет «Дневник». А тут еще его в рабкоры газеты «Строитель» приняли, удостоверение соответствующее выдали. И надо было оправдывать доверие редакции - писать заметки, корреспонденции, даже фельетоны. Этот период творчества Оськин назвал «сиреневым», ибо на всю жизнь запомнил запахи сирени, под кустами которой устраивался на деревянном ящике и писал в газету. Именно в те годы стали называть его народным заступником, ибо он живо реагировал на жалобы людей, громил начальство. Его друг Константин Агарков передал ему материалы о том, что начальник строительного управления Бадиев выписывал себе и получал огромные премии. Так, только 2 апреля он присвоил почти три тысячи рублей за сдачу жилья, за экономию материалов, за снижение себестоимости. И так же поступали другие начальники СУ. Оськин на основе этих фактов написал и опубликовал фельетон «Осиное гнездо».

Как-то попало в руки Оськина письмо рабочих, в котором они сообщали, что в клубе 99-го квартала киномеханик прикарманивает деньги за билеты... Оськин проверил факты - и опять фельетон! На базе ОРСа,

машины привезли воду - мутную, какого-то странного цвета, с отвратительным запахом. Пятитысячный палаточный городок вмиг поднялся на ноги, толпа направилась к тресту, люди требовали, чтобы к ним вышли руководители, но те, как говорится, «спрятались в окопы». На следующий день толпа бунтовщиков направилась к горкому партии, но и там никто не вышел к людям. Нашлись провокаторы - стали громить овощные палатки, воровать капусту, картошку, свеклу, разгромили винный магазин, растащили промтовары... Так в 1959 году начался знаменитый бунт строителей в Темиртау.

Позже, когда Оськина исключали из партии как диссидента, ему припомнили его злые фельетоны, даже сказали, что именно они послужили той искрой, что разожгла пламень бунта. Ну хорошо, бунт затих, рассуждали чиновники, приехал Леонид Ильич Брежнев, во всем разобрался, виновных руководителей наказали, снабжение водой, продуктами наладили, даже красной и черной икрой стали кормить рабочих. Казалось бы, Оськину пора уgomониться со своими фельетонами, не чернить Всесоюзную стройку и, как говорил Есенин, «писать про рожь, а больше про кобыл...» Но нет, опять он за свое взялся - строчит критические статьи о беспорядках на стройке, даже письмо об этом Никите Сергеевичу Хрущеву написал. И своего добился. С его злополучным письмом на строй-

кадров отсутствовали.

Жизнь Оськина была сорвана с привычных якорей, несмотря на выход замечательной книги «Вижу солнце!» в Москве в «Молодой гвардии». Дмитрия стали теснить на работе, его перестали публиковать в местной печати, даже в телеочерке о бригаде строителей его лицо «вырезали». На него завели персональное дело в обком партии. Он продолжал работать на строительстве мартеновского цеха, а партийные бюрократы подбирали на него «черные» факты.

13 октября состоялось собрание коммунистов первички. Оськина исключили из партии. И представьте себе: единогласно. Почему так произошло? Потому что исключали Оськина по команде «сверху», чтобы не охаивал Всесоюзную стройку. А то, что на этой стройке продолжали процветать приписки, штурмовщина, воровство и казнокрадство - вроде, никому до этого дела нет. Только после исключения из партии Оськину люди все равно руку тепло жали и шептали:

- Ты борись, борись, за всех нас борись.

Но одна беда не ходит. Остро переживая трагедию Оськина, его беременная жена родила... мертвого мальчика... Кто за это ответит? Слезы Дмитрия капали на маленький гробик, в который положили завернутого в простыню младенца... Он потерял сына.

Дмитрию понадобилось два

силевичем Оськиным в 1988 году в Караганде. Он, со свежим лицом и прямым взглядом лучистых глаз, выглядел стройным и подтянутым.

- Меня опять крупно печатают, - радостно сообщил он и протянул мне свою новую книгу «Верю тебе», вышедшую в издательстве «Жазушь» тиражом 50 тысяч экземпляров. - Дарю на добрую память.

Последующие годы жизни Оськина были спокойными, почти бесконфликтными. Он дорожил своим положением, активно участвовал в общественной жизни, стал членом Союза писателей СССР, его очерки печатались в журналах «Простор», «Юность», «Молодая гвардия», у него вышла новая книга «Казахстанская Магнитка - колыбель моя», серию его эссе напечатали в книге «Наша Магнитка».

В 1990 году в издательстве «Жазушь» выходит новая книга Дмитрия Оськина - «Двум смертям не бывать», можно сказать, мемуарного характера. И он рассказывает в ней всю правду о своей жизни в Темиртау, о том, как из него пытались сделать диссидента партийные чиновники и бюрократы региона, да у них ничего не получилось. Перо Оськина, действительно, стало золотым. Он возвеличивает в книге не верхушку стройки, а простых строителей, товарищеско-побратимов, чьими руками и умом как раз и возводилась Казахстанская Магнитка - гордость нашей страны...